

Ковылина Елена

16.10.03

Независимая. — 2003. — 16 окт. — с. 6 Разводка по-московски

Рассказ о том, как обозреватель «НГ» нюхал клей в компании криминальных подростков

Михаил Сидлин
Берлин—Москва

«Фестивален» — главное культурное событие Берлина осенью. Трудно найти то, что не вменялось бы в рамки этих «Праздничных недель». Нынешняя осень посвящена России, и потому на одном конце фестиваля — гастроль Мариинского театра в зале Берлинской оперы, на другом — радикальное «Представление» Елены Ковылиной в репетиционном зале Дома Берлинских фестивалей.

«Представление» начинается с пакетиков клея. Они лежат на стульях в немецком зрительном зале. А со сцены русские беспризорники говорят о себе: один начал дышать клеем в возрасте восьми лет и дышал девять лет подряд: «Меня били воспитатели чем попало и за что попало... Особенно за клей». Били в интернате. Потом герой просит зрителей — каждого — надуть свой пакетик. Немцы доверчиво дуют. И нюхают. Не все, конечно. Но процентов 30 от зала. Нюхнул и я.

На сцене — 4 парня с улиц. Павел Кошко, Артем Ушан, Анвар Кадыров и Дмитрий Пахов. Если кто слышал эти фамилии, то, может, в уголовной хронике? В театральном мире они до сих пор не были известны. Это — подростки без мам и пап, жилья и работы. Они играют самих себя, молодых негодяев, которые впервые попали в богатый западный мир. За границу их вывезла Елена Ковылина.

Чтобы быть самим собой, особых умений не надо.

Когда-то Ковылина с веревкой на шее стояла посередине выставочного зала и ждала, пока из-под нее выбьют стул. А еще она отплывала из Сочи в открытое море совершенно одна на утлой лодчонке. Кроме того, Елена Ковылина обедала, привязанная на тросиках, под московским мостом вместе с Максимом Илюхиным. Короче говоря, Ковылина известна как

самая радикальная московская художница рубежа веков. С 1997 года по 2003-й она провела несколько десятков перформансов в разных точках России и планеты — время от времени повторяя уже созданное, но чаще выдавая «на ура» совершенно новые проекты. Теперь Ковылина выступила в совершенно новой для себя роли — режиссера.

В этом спектакле необычно многое. Прежде всего то, что режиссер вовсе не имеет театрального опыта (перформанс, конечно, ближе к театру, чем к традиционному искусству. Но все же — не театр). Во-вторых, то, что премьера прошла не в России, а сразу — на Западе, да еще на престижном фестивале, пройдя мимо сита российских экспертов. В-третьих...

Впрочем, все остальное касается уже не автора, а самого зрителя.

Как-то раз я пил коньяк на Кипре с сибирячкой. Она возмущалась успехом Гришкова в Москве и говорила: «У нас в Кемерове на улицы выйди, там каждый второй — Гришковец: в стоптанных кедах о жизни рассказывает». «Представление» — это спектакль о жизни в России:

4 маленьких Гришкова рассказывают истории, от которых у немцев волосы встают дыбом.

Они агрессивны. Это немцев пугает. Они артистичны по своей природе. И это немцев завораживает. Улица — это ежедневное шоу, в котором зрители вовлечены в действие непосредственно. И беспризорники смело идут на штурм зала. Один клеит барышень из первого ряда. Другой показывает разводку. По-настоящему. По-московски. Демонстрирует умение менять плавленный сырок на швейцарские часы.

«Представление» идет, конечно, по-русски. Что создает некоторые трудности для зрителей. Но не для беспризорников. Умение разводить не требует знания языков.

«Актёрство» сведено к минимуму. «Их роль — оставаться самими собой... Чтобы быть самим собой, особо репетировать не надо», — говорит Елена Ковылина. Но все же в спектакле, очевидно, есть каркас, есть заранее найденные ходы, а задача актеров — наращивать на него живое мясо в ходе действия. Поэтому успех или неуспех каждого отдельного «Представления» зависит в итоге от того, «как пошло».

После каждого спектакля — обсуждение. Зрители спорят о соотношении этики и эстетики, о границах между профессиональным мастерством и любительщиной, о жизни, в конце концов. И берлинцы, привыкшие, кажется, ко всему, уходят домой в потрясении. Русские опять развели их на чувства. ■

Фото Георгия Первого